

Архетипический образ матери в мордовской женской лирике

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению поэтики мордовской женской лирики. Предметом исследования является специфика репрезентации архетипического образа матери в произведениях авторов-женщин.

Цель: определить функционально-семантическую структуру и варианты материнского образа в стихотворениях современных поэтов.

Материалы исследования: произведения Р. Орловой, Л. Рябовой, М. Слугиной.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования приходим к заключению о том, что в лирике национальных поэтов-женщин архетипический образ матери предстаёт сложной структурой, функционирует в разных ипостасях – мать-земля, мать-природа, родина-мать, женщина-мать, Богородица. Посредством концепта имплицитно обобщённо-концептуальная составляющая поэтической мысли (транслируются общечеловеческие ценностные понятия, отражаются особенности этнического мировосприятия, ментальные черты эрзян и мокшан, раскрываются константы национальной культуры, духовно-нравственные основы общества), а также моделируется эмоционально-психологическая ситуация, передаются интенции героини. Специфика интерпретации архетипического образа матери обусловлена ассоциативностью лирического сознания автора-женщины, её ментальными чертами, особенностями рефлексии мира и личности. В проанализированных произведениях наблюдается концептуально-художественное усложнение универсального образа, что проявляется в его символической кодировке, обогащении этнокультурным смыслом, религиозно-мифологическими интенциями, дополнении эстетических средств его репрезентации. Научная новизна статьи определяется тем, что архетипический образ матери и его семантические разновидности в мордовской женской лирике впервые становятся объектом научной рефлексии.

Ключевые слова: мордовская женская лирика, архетип Матери, архетипический образ матери, мать-земля, мать-родина, мать-природа, женщина-мать

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие», <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Для цитирования: Шеянова С. В. Архетипический образ матери в мордовской женской лирике // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 2 (61). С. 328–336.

The archetypal image of the mother in Mordovian women's lyrics

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the poetics of Mordovian women's lyrics. The subject of the study is the specificity of representation of the archetypal image of the mother in the works of women authors.

Objective: to identify the functional and semantic structure and variants of the image of the mother in the poems of modern poets.

Research materials: works by R. Orlova, L. Ryabova, M. Slugina.

Results and novelty of the research: as a result of the study, we come to the conclusion that in the lyrics of national women poets the archetypal image of the mother appears as a complex structure. It functions in different hypostases – mother Earth, mother nature, mother motherland, mother woman, Mother of God. By means of it the generalized conceptual component of poetic thought is implied (universal human value concepts are transmitted, the peculiarities of ethnic worldview, mental traits of Erzya and Moksha are reflected, the constants of national culture and spiritual and moral foundations of society are revealed), as well as the emotional and psychological situation is modeled, the heroine's intentions are conveyed. The specificity of interpretation of the archetypal image of the mother is conditioned by the associativity of the

lyrical consciousness of the woman author, her mental traits, peculiarities of reflection of the world and personality. In the analyzed works there is a conceptual and artistic complication of the universal image, which is manifested in its symbolic coding, enrichment with ethno-cultural meaning, religious and mythological intents, and addition of aesthetic means of its representation. The scientific novelty of the article is determined by the fact that the archetypal image of mother and its semantic varieties in Mordovian women's lyrics for the first time become the object of scientific reflection.

Key words: Mordovian women's lyrics, archetype of the Mother, archetypal image of mother, mother Earth, mother motherland, mother nature, mother woman

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098 "Mordovian women's literature: specificity of the representation of the gender picture of the world, national and artistic originality", <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

For citation: Sheyanova S. V. The archetypal image of the mother in Mordovian women's lyrics *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (2/61): 328–336.

Введение

В процессе исследования национально-художественных особенностей литературных образов и их индивидуально-творческой репрезентации большой интерес вызывают архетипические образы. Определяя природу архетипа, швейцарский философ К. Г. Юнг различает понятия «архетип» (первообраз, прототип, обобщённое воплощение повторяющегося опыта человечества; универсальный образец коллективного бессознательного) и «архетипический образ». Если в первом случае речь идёт о «психологической предрасположенности», «предустановленной способности», «возможности представления, данной априори» [19, 215], то архетипический образ содержателен, используется для передачи типичной ситуации, он не только отражает накопленные веками этические, эстетические ценности (по К. Г. Юнгу, «принадлежит к высочайшим ценностям человеческой души»), но и несёт в себе силу воздействия, способен побуждать к действию.

Одним из древнейших во всех культурах является архетип Матери, «обнаруживающий практически безграничное разнообразие в своих проявлениях» [19, 217], символизирующий плодородие, изобилие, олицетворяющий высокие нравственные ценности, наделяемый сакральным смыслом, воплощающий божественный идеал женщины. В художественном тексте канонический образ матери трансформируется, получает разнообразные художественно-эстетические интерпретации (инварианты), обусловленные общественно-историческими запросами, менталитетом народа, индивидуально-творческим мирозерцанием писателя. Он оформляется в полисемантическую архетипическую модель – приобретает значение прародительницы рода, кормилицы, заступницы, хранительницы этнической иден-

тичности, а также воплощает женское начало, ментальные черты женщины, синтезируется с христианским учением, олицетворяет Богородицу, символизирует святость, набожность, благоговение. Востребованность образа матери в литературном творчестве К. Г. Юнг обосновывает его восприятием как магического авторитета всего женского, чего-то благостного, его нуминозностью. По утверждению философа, «с этим архетипом ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, превосходящее пределы разума; любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию. Мать – главенствующая фигура там, где происходит магическое превращение и воскрешение...» [19, 218].

Обращение к данному образу поэтов-женщин обусловлено не только значением материнства в истории человечества, восприятием матери как самого близкого человека (что чётко отражается и в мужской поэзии), но и личным опытом, биологической ролью матери, что предопределяет специфику творческой интерпретации древнейшего символа, его концептуально-художественное обогащение, трансформацию в образной структуре женского текста. Архетипический образ матери является средством воплощения женской ментальности, ключом к восприятию индивидуально-авторской картины мира, ценностно-смысловой составляющей творчества отдельного автора, при этом способствует передаче этнического сознания, поскольку восприятие универсальных архетипов является отражением первообразов национальной культуры.

В работах зарубежных и отечественных учёных исследуются истоки образа матери в

мировой культуре [11; 14; 19], искусстве [16; 20], литературе [5], изучаются его функционально-семантические особенности в контексте женских архетипических моделей [21; 23; 24], определяются разновидности материнского образа [1; 4; 22], рассматривается процесс трансформации традиционных архетипов и мифологем в художественном сознании современных писателей [12], анализируются индивидуально-творческие особенности репрезентации образа матери в поэтических опытах отдельных авторов [2; 3; 10; 17] и т. д.

Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена необходимостью изучения специфики репрезентации архетипического образа матери в произведениях мордовских поэтов-женщин, выявления функциональной нагрузки и символического содержания его вариантов, что позволит определить поэтологические особенности стихотворений, раскрыть эстетический уровень развития современной национальной лирики в целом, расширит контекст гендерных исследований в финно-угорском литературоведении.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили написанные на русском и мордовских языках стихотворения Р. Орловой (сборники «Цѣнгат» / «Острова», «Сорга» / «Серѣжка», «Письма странницы», «Жажда откровения»), Л. Рябовой («Кие тон?» / «Кто ты?»), М. Слугиной («Тюст» / «Оттенки»).

В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: структурно-семантический, историко-функциональный, метод описательной поэтики.

Результаты

Мордовская женская поэзия характеризуется особой эмоциональностью, оригинально перемежающимися мотивно-образными кластерами, выразительным изображением элементов национальной культуры, этнической картины мира, психологически глубоким отражением современной действительности, философски выраженной взаимосвязью мира и человека, осмыслением традиционных символов, их трансформацией (семантическим усложнением) в соответствии с творческой концепцией автора. В лирике поэтов-женщин широко представлен архетипический образ матери,

обладающий сложной функционально-символической структурой, включающий в себя как обобщённо-концептуальные составляющие, так и конкретные образы, семантически и хронологически соотносимые с ним. Инвариантность универсального символа обусловлена как культурным опытом, ментальными чертами мордовского народа, его аксиологической сферой, так и индивидуально-творческими (образно-ассоциативными, проблемно-тематическими) предпочтениями авторов.

В культуре эрзян и мокшан синкретичный архетип «Мать-земля» соотносится с женским божеством Масторавой, покровительницей земли, выполняющей аграрные функции и получившей культ плодородия, ассоциируемой с Мать-сырой-землёй, её плодоносящей силой, что отражено в календарно-обрядовой поэзии: «Мать-земля, матушка, / Земную тяжесть держащая. / Мать-земля, матушка. / Что бросим на землю, / Что посеем в землю, / Возроди-взрасти, наполни!» [18, 190]. Этот образ отражает глубинные пласты ментальности мордвы (обожествление земли, поклонение перед ней, жертвоприношение), ценностно-смысловые представления народа, наделяется положительными коннотациями, становится символом взаимосвязи между поколениями, воплощает этические законы бытия этноса. В стихотворении Р. Орловой «Поэт-женщина» репрезентирован образ «сильной, мудрой Масторавы», воспринимаемой героиней матерью, кормилицей, что обусловлено этническим мировидением, образом жизни народа: «Честь и слава / Матушке-Земле! Едим / То, что вырастили сами, / Что добыли мы трудом. / Люди добры, ешьте с нами, / Да воздастся нам потом» [6, 37]. Образ матери-земли структурирован из соотносимых с трудовой деятельностью крестьян, естественной средой деталей: «коса и плуг», «травы, ягоды, грибы», «деревья и цветы». Несмотря на простоту, они становятся полифункциональными единицами в структуре лирического текста: с одной стороны, воспринимаются символами природного сознания людей, национальной модели мироздания, с другой – средствами отражения интенций народа по отношению к земле: «Чтоб трудом её прославить, / Чтобы пело всё вокруг. / Чтобы землю украшали / И деревья, и цветы. / Не печалься, Матушка-Земля, / Мы в обиду не дадим» [6, 37].

В мордовской литературе метафорическое сопоставление родины с матерью является традиционным. В произведениях рубежа XX–XXI вв. образ родины-матери сопровождается различными апелляциями к историко-культурному наследию эрзян и мокшан, отражением проблем языковой политики, национального самосознания, этнической идентичности. Актуализация концепта «родина» в ипостаси матери обусловлена её восприятием как одной из базовых универсальных ценностей, а также в характеристиках, свойственных заботливой матери, кормилице, защитнице. В лирике Р. Орловой («О родине», «Шачема велезэ» / «Родное село», «Келькте, Мордовия!» / «Люблю тебя, Мордовия», «Шумбрат, шачем крайний!» / «Здравствуй, край родной», «Кельгома масторнай...» / «Любимый край мой...» и др.) образ малой родины включает всю Мордовию, метафорически сопоставляется с любимой матерью, вызывает разнообразные ассоциации, коннотации (трепетное уважение, почитание, преклонение). Для авторского стиля характерно взаимодействие двух образных рядов – мифологического и христианского: заступницей родного края поэт называет покровительницу земли Мастораву, Верховного бога Шкая, а также Иисуса Христа. Образ родины-матери раскрывается поэтом в разных аспектах – социальном, культурном, историческом, чувственном, духовном. В стихотворении «Милая родина» в этом образе семантически синтезированы такие понятия как этнический мир, духовная культура народа («Есть на Руси уголок тихий светлый, / В песнях былинных и дивных воспетый» [7, 100]), гармония в обществе («души простором небес упоённые» [7, 100]), тесные семейные узы («И сыновей для Отчизны растила» [7, 100]), судьба поколений («Годы уходят, как ливни летние / Сколько друзей ушло незаметными?!» [7, 100]), этапы и важные моменты человеческой жизни («Здесь, понимать научившись, прощала, / Здесь до конца любить обещала» [7, 100]). В сознании эрзян и мокшан родная земля отражает природную стихию, неслучайно она ассоциируется с «гроздьями рябины», «запахом полыни», «ивами седыми», «ветром несмелым», «над рекою зарей запоздалой, яркой-яркой, алой-алой», «нивами, живую водой напоёнными», «снегом – белым-белым» [7, 100]. Структурирующие

архетипический образ родины традиционные природно-образные ряды, вызывающие у читателя визуальные, звуковые, обонятельные, тактильные ощущения, наделяют его положительными коннотациями, имплицитно передают утончённую ситуацию гармонии природного мира, размеренности бытия. Малая родина воспринимается символической сакральной фигурой матери – защитницы, хранительницы, оберегающей от негативного воздействия, дарующей счастье и благополучие.

В стихотворении Р. Орловой «О родине» имплицитно интуитивно-эмоциональное восприятие родного края, о чём свидетельствует несистематизированный поток образов, вербализованных в форме назывных предложений: «Родина моя милая – / Ласточка сизокрылая, / Дом и крылечко низкое, / Лес и кладбище близкое, / Маки красные, алые, / Неба глаза усталые, / Капли дождя игривые, / Солнца лучи счастливые. / Родина моя нежная, / Зимы долгие, снежные, / Слёзы капли частые, / Гроздья рябины красные, / Мамины руки нежные» [6, 43]. Безусловно, перечисленные образно-метафорические конструкции традиционны, при этом наблюдается смешение лексико-семантических полей, характеризующих чувственное восприятие малой родины: осязания и цвета («Мамины руки нежные, / Яблони белоснежные»), пространства и звука («Звёзды над самой крышею, / Зов твой ночами слышу я»), времени и цвета («Зимы долгие, снежные, / Гроздья рябины красные»), звука и цвета («Слёзы капли частые, / Гроздья рябины красные»), движения и статики («Ласточка сизокрылая, / Дом и крылечко низкое»), пространства и цветоощущения («К дому тропа заветная... / Светится радуги красками / Край родной»). Таким образом в одном контексте поэт даёт описание родной земли по разным признакам, соединение которых весьма неожиданно, что свидетельствует об оригинальности творческого мировидения автора, многоплановости его поэтической картины мира.

В стихотворении «Келькте тонь, Мордовия!» / «Люблю тебя, Мордовия!» изображается широкое пространство родного края («*Морасайне вирьхнень, паксятнень, лугать. / Кельксайне тонь ошнень, велетнень, Сивинть*» 'Я пою твои леса, поля, луга, / Люблю твои

города, сёла, Сивинь¹ [8, 4]), красоту которого лирическая героиня стремится сохранить молитвой: «*Озондан, озкс валне Шкаень пилес прайхть*» ‘Молюсь, слова молитвы до Шкая дойдут’ [8, 4]. Молитвенное начало отражает религиозно-мифологические представления эрзян и мокшан, раскрывает особенности этнического мировидения, расширяет национально-духовный контекст произведения. Образ родины представлен в облике матери («*Келькте тонь, Мордовия! Тядя!*» ‘Люблю тебя, Мордовия! Мать!’ [8, 4]), многолетней щедрой крестьянки («*озондан, тонь иттненди кенярдема анан*» ‘молюсь, твоим детям радость желаю’, «*козяшиньконь сатоськ*» ‘богатства достаточно’), гостеприимной хозяйки («*ули мезьса васьфтемс инжихнень*» ‘есть, чем встретить гостей’). Гендерные характеристики усиливают традиционную образно-смысловую параллель мать / родина, вызывают высокие ассоциации, обогащают стилистику текста. Таким образом Р. Орловой свойственно «женское» восприятие родины, а архетипы «мать» и «родная земля» являются базовыми концептами в аксиологической картине мира поэта, усиливающими патриотические мотивы, гражданский пафос её лирики.

Архетипической разновидностью матери-земли является образ матери-природы, отражающий представления народа о естественной среде как милостивой, щедрой, оберегающей от бед матери. Такая интерпретация понятия прослеживается в стихотворениях М. Слугиной «Тавлань керциятненень» / «Тем, кто вырубает Тавлу», «Неень шкань ламо ломантне апокалипсис учить...» / «Сегодня многие ждут апокалипсис...». В авторской концепции природное начало – это первоисточник человеческого бытия, среда, в которой человек психологически подпитывается умиротворением, гармонией, спокойствием, получает духовное и физическое обновление. Природа наделяется положительными коннотациями, становится центром мироздания, воспринимается колыбелью, кормилицей, покровительницей, что соответствует ментальным представлениям народа. Лес, деревья – компоненты природного мира – значимы в мировоззренческой системе мордвы, важны в жизнедеятельности эрзян и мокшан, сакрализуются ими. В стихотворении «Тем, кто вырубает Тавлу» лес становится свидетелем жестокого преступления человека. Срубленная жителями села

Тавла липа (священное дерево в народном сознании, соотносимое с древом жизни, основой мироздания) антропоморфизуется, что усугубляет драматизм ситуации: «*Ламо иеть вирьсэ / Пекшечувто кассь, / Качакавтсь цецясо... / Косто сон содась, / Карми аволь кувать / Вирьсэ эрямо? / Састь Тавлань цератне / Пенгень керямо. / Кочкизь пекшечувтонть, / Кона састо кассь... / Сюконязь пильгезэст, / Пекшечувто прась. / Тавлань керсицятне / Пильсекиньзь чувтонть, / Кона а марясы / Поки вирень увтонть...*» ‘Много лет в лесу / Липа росла, / Издавала аромат цветов... / Откуда она знала, / Будет недолго / В лесу жить? / Пришли мужики из Тавлы / Дрова рубить. / Выбрали липу, / Которая тихо росла... / Кланяясь им в ноги, / Липа упала. / Те, кто вырубал Тавлу / Распилили дерево, / Которое не услышит / Гул большого леса’ [15, 90]. Автор имплицитно мыслит о трансформации традиционного восприятия природы как колыбели бытия, источника жизни, раскрывает потребительское, хищническое отношение к ней, что наносит непоправимый ущерб матери-земле. Упомянутый в тексте микроэкономиком Тавла отражает национально-географическую реальность, при этом он наполняется обобщённо-нарицательным смыслом – факт вырубки леса воспринимается не единичным случаем, а типичным негативным проявлением современной действительности.

В стихотворении М. Слугиной «Сегодня многие ждут апокалипсис...» доминирует мотив нивелирования традиционных духовно-нравственных основ, этических принципов, пропаганды лжеценностей, о чём свидетельствуют авторские упрёки современникам: «*Эрва кува церьковатне / Теке вирьсэ пангт касьть, / Весенень сатост таркатне – / Мельць чистэнтъ тов кекшишь. / Вейке вейкень сёвнотано, / Кудюорсо лад арась, / Ялга ялгань ваявтано, / Кецнетяно, кие прась...*» ‘По-всюду церкви / Слово грибы в лесу растут, / Чтоб всем хватило места – / В последний день там спрячутся. / Один с другим ругаемся, / В доме нет мира, / Друг друга топим, / Радуемся, когда кто-то оступился’ [15, 116]. Противоречия внутри современного социума, приоритет материального над духовным отражаются на состоянии матери-природы. Поэт перечисляет губительные для неё проявления: «*Лиядсь калавтомс пертьпельксэнтъ – / Допрок кулозо*

¹ Здесь и далее подстрочный перевод выполнен автором статьи – С.Ш.

Модась! / Тененьгак лядсь а кувать – / Ко- шитось, ведесь уш пацкэзь, / Виртне кадновств тия-тува, / Шукипрэсо модась вельтязь!» ‘Осталось осквернить природу – / Чтоб окончательно погибла Земля! / И до этого осталось не- долго – / Воздух, вода уже грязные, / Леса оста- лись тут и там, / Мусорными кучами покрыта земля!’ [15, 116]. Стихотворение завершается неутешительным выводом: «*Меельце чись умок сась*» ‘Последний день давно настал’ [15, 116], который не только отражает постмодернистское мировосприятие автора, но и утверждает эсха- тологическую мысль о неизбежности судного дня человечества.

По утверждению К. Г. Юнга, «материнская любовь, наиболее трогательное и незабываемое воспоминание в нашей жизни, которое является таинственной причиной развития и перемен; любовь, которая символизирует возвращение домой, убежище и долгую тишину, которая есть начало и конец всего существующего» [19, 228–229]. Мотив самоотверженной материн- ской любви, родительской заботы о детях звучит в стихотворениях Л. Рябовой «Алкукс, мон- гак эрзя улян, авай?» / «Мама, правда, я тоже буду эрзянкой?», «Тесэ ульнинь мон...» / «Здесь была я...», «Кортэ мартон, авай...» / «Погово- ри со мною, мама...». В стихотворении «Здесь была я...» мать предстаёт в разных ипостасях – любящая дочь, заботливая мать, хранительница очага, семейного счастья, приверженец этиче- ских принципов, знаток национальной культу- ры. Смысловая многомерность образа создаётся посредством пространственного архетипа дома («*Састо-састыне, прием комавтозь, / Сован- ютан мон се кудыненжень, / Косо сэреекс ма- рявсь поровтось, / Косо кайгасо седиль цирьку- нось...*» ‘Тихо-тихонько, опустив голову, / Зайду- пройду я в тот дом, / Где высоким казался по- рог, / Где в подполе пел сверчок’ [13, 38]), симво- лически отражающего закономерность женщи- на – дом – семья – семейное счастье («*Те куды- несэнтэ эрзясь уцяскась, / Кодамо ансяк ёвкксо эрсекини, / Истямо ансяк Пазось максекини*» ‘В этом домике жило счастье, / Какое только в сказке бывает, / Такое только Бог дарует’ [13, 39]). В воспоминаниях героини реанимируется образ мудрой бабушки, воспитывающей внучку в соответствии с народными нормами: «*Тесэ ба- бам монь лавсьсэ нурсекиниль, / Тонавтсь ба- бам монь оймень марямо, / Превсэ-оймесэ верев касомо*» ‘Здесь бабушка меня в люльке качала, / Учила меня понимать душу, / Умом-душой ра-

сти’ [13, 38]. Ключевой в развитии лирического сюжета становится реалистичная бытовая сце- на из детства героини, стилизованная средства- ми фольклорной поэтики: «*Тесэ авинем мартон майсекиниль: / Оймекочитсонзо пувсиль керявк- сон, / Чевте кеднесэ матрыль томбавксон, / Ашо варакань, келя, сивезэ... / Бути прыльинь- гак – толга паргинес, / Авань коморос – сельведь байгинекс...*» ‘Здесь мама маялась со мной: / Дыханием души залечивала порезы, / Мягкой рукой снимала ушибы, / У белой вороны, мол, чтоб сломалось... / Если и падала – в короб пу- ховой, / В мамину ладонь – слезинкой...’ [13, 38]. Образ матери с ребёнком на руках, как на православной иконе, уподобляется Богородице, воплощает в себе бесконечность родительского трансцендентного начала, наделяется сакраль- ным значением. Этот образно-ассоциативный ряд наполняет произведение глубоким онтоло- гическим смыслом о материнском начале, мен- тальных особенностях женщины-матери, сути вечной жизни человечества.

В лирике Р. Орловой репрезентирован образ матери, восходящий одновременно к юнгов- скому архетипу мудрой старухи и христиан- ской Богородицы, наделённой чудесным даром спасения. Он появляется после смерти матери поэта, обусловлен памятью о ней, осмысле- нием её роли в своей судьбе. Заявленные авто- биографические детали образа («*Сембодонга цебярэ стихозе изь ладяв, / Сембодонга мала ло- манезе тусь...*» ‘Самый лучший мой стих ещё не сложен, / Самый близкий человек ушёл...’ [8, 9], «*Кемонь кизот ни топоди, тядй, – / Мадсь шивалдце*» ‘Десять лет уж исполнится, мама, – / Как потух свет твоего лица’ [8, 41]) стираются, мать наделяется типичными харак- теристиками – добродушием, жертвенностью, способностью оберегать, переживать за потом- ков («*Оцю надиямат седисот кирдят, / Штоба валдонц кандолезе вандысь. / Хуш и стака, аф юмафтсак кить, / Васьфнек эрь шить од вийса, морса / Штоба мастортэ лангса ёмла итть / Афольхть палонда войнань инь равжа толса. / Афоль сода кивок сельмоветть, / Шудесь Мок- шесь арудонга-ару, / Афоль са инь шобда-шобда весь, / И пильгала модась афоль тара. / Ава, ава! Валдошиньконь ванфтк!*’ ‘Большие надеж- ды живут в твоём сердце, / Чтобы завтрашний день принёс свет. / Хотя и тяжело, не собьёшься с пути, / Встречаешь каждый день с новыми си- лами, песнями, / Чтобы на земле малые дети, / Не сгорели в чёрном огне войны. / Не знал

никто слёз, / Не пришла тёмная-тёмная ночь, /
И под ногами земля не шаталась. / Мать, мать!
Береги наш светлый день' [8, 9].

В стихотворении «Тядяйти» / «Матери» автор демонстрирует эталонные семейно-родственные отношения, что акцентировано посредством духовной привязанности героини к ушедшей матери («*Исяксь ётнесь тоньфтомот, тоньфтомот / васьфтьса Вандыть*» 'Вчера прошло без тебя, без тебя / встречу Завтра' [9, 5]), её желании встретиться с ней в ином мире («*Сай пинге, васьфттяма, тядяй, / аф Тя Маторлангса*» 'Придёт время, встретимся, мама, / не на Этой Земле' [9, 5]), глубоким уважением и признании неоплатного долга перед ней («*Тейть шумукс илядонь, тядяй, / сняра! – аф пандомс*» 'Тебе должна осталась, мама, / столько! – не расплатиться' [9, 5]). Лирическая героиня вступает в своеобразный метафизический диалог с матерью, признаётся, что 'очень пригодилось в жизни её смелое Слово' «*пек кондясти зряфсон, тядяй, тонь эрек Валце*» [9, 5], 'Свет её души помог не свернуть с выбранного пути' «*аф эрьготьфтемс янозень лезни тонь вайме Валце*» [9, 5]. В тексте стихотворения обращение «*тядяй*» 'мать' встречается пять раз, что стилистически усиливает экспрессивность лирического монолога, свидетельствует о потребности героини в коммуникации с матерью. Существенными при репрезентации образа ушедшей матери становятся такие детали как исходящий от неё Свет, её мудрое Слово. Женщина-мать приобретает сакральные черты, трансформируется в образ Богородицы, побеждающей смерть, спасительницы, защитницы своего дитя. Отождествление женщины-матери с христианским архетипом Божьей матери в анализируемом произведении отражает, на наш взгляд, аксиологические интенции автора, её представления о женском начале и ценности материнства, а также соотношение в её творческом сознании православных идей и религиозно-мифологической картины мира.

Обсуждение и заключение

В мордовской женской лирике мы выделили следующие варианты архетипического материнского образа – мать-земля, мать-природа, родина-мать, женщина-мать, Богородица, что соотносится с общечеловеческим культурным кодом, извечными аксиологическими понятиями, обусловлено традиционным этническим мировосприятием, ментальными особенно-

стями эрзян и мокшан, а также индивидуаль-но-авторским сознанием творческой личности. Сохраняя неизменность исходного образца, ценностно-смысловую константность, в лирике национальных поэтов универсальный образ обрастает этнокультурными наслоениями, новым символическим значением, становится средством осмысления современной действительности, насущных проблем настоящего. Обращение авторов-женщин к поэтической интерпретации женского начала, первообраза Матери вызвано самой природой женщины, продолжательницы рода, вместе с тем наполняется социальной ролью – способствует духовному развитию общества, стремлению народа к самопознанию, сохранению национальной идентичности.

Архетипический образ матери-земли в произведениях мордовских авторов-женщин соотносится с покровительницей земли, божеством Маторавой, отражается через конкретные образы, имеющие отношение к хозяйственной деятельности народа. Индивидуально-творческая интерпретация образа дополняется мифологической семантикой, традиционной в картине мира эрзян и мокшан символикой универсальной праматери, милостивой кормилицы. В лирике современных авторов архетип Матери воплощается в понятиях «родина», «родная земля», отражается посредством классических природных образов, наделённых положительными коннотациями. Истоки образа родины-матери, в настоящее время претендующей на статус константы национальной духовной культуры, восходят к архетипу Мать-сыра земля и связаны с развитием представлений о материнской сущности родной земли. В проанализированных произведениях гендерные характеристики малой родины допускают использование таких смысловых оттенков образа матери как душевная красота, мудрость, доброта, забота о детях.

В основе творческой концепции мордовских поэтов – древнейшая идея единства человека и природы, культ лесного пространства, священных деревьев. Воплощение ими образа матери-природы обусловлено стремлением имплицитно раскрыть современную национально-общественную ситуацию, актуализировать экологическую проблематику, осмыслить последствия потребительского воздействия социума на природную среду, сакральную в мифологической картине мира эрзян и мокшан. Мать-природа в произведениях авторов-

женщин отражает естественное начало национальной жизни, неслучайно она репрезентирована посредством антропонимизированных образов земли, леса, деревьев.

Мордовские поэты транслируют верность тем воззрениям, согласно которым, основное назначение женщины – материнство.

Образ матери моделируется в пространственно-временном измерении, во взаимоотношениях с близкими людьми, ей присущи традиционные характеристики – жертвенная любовь к детям, самоотверженность, доброта, одновременно она наделяется сакральными чертами, уподобляется Богородице.

Список источников и литературы

1. Ганиева А. Ф. Архетип матери-хранительницы национальной идентичности в татарской прозе // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2022. Т. 32. № 3. С. 623–629.
2. Коробко К. В. Интерпретация архетипа матери в творчестве Мо Яня // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2023. № 3 (103). С. 43–48.
3. Косинцева Е. В. Образ матери в хантыйской поэзии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 108. С. 94–99.
4. Кудрявцева Р. А., Беляева Т. Н. Архетип «мать-земля» в лирике А. Ивановой (к вопросу о специфике репрезентации этнической идентичности в современной марийской женской поэзии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3 (63). С. 27–31.
5. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
6. Орлова Р. Жажда откровения. Саранск: [б. и.], 2021. 92 с.
7. Орлова Р. Письма странницы. Саранск: [б. и.], 2014. 104 с.
8. Орлова Р. Сорга (Серёжка). Саранск: [б. и.], 2014. 128 с.
9. Орлова Р. Цёнгат (Острова). Саранск: [б. и.], 2008. 80 с.
10. Пономарева Т. А. Архетип матери в поэзии Н. А. Клюева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 3. С. 267–276.
11. Пушкина О. И. Архетип Матери в мифорегионозной картине мира восточных славян. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2021. 140 с.
12. Рымарева Е. Н. Трансформация архетипов и мифологем в творчестве обских угров и произведениях писателей Югры: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2020. 182 с.
13. Рябова Л. Кие тон? (Кто ты?). Саранск: [б. и.], 2017. 128 с.
14. Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново: Юнона, 1999. 359 с.
15. Слугина М. Тюст (Оттенки). Саранск: [б. и.], 2021. 168 с.
16. Токарева О. В. Символические архетипы «матери», отраженные в образах скульптуры постсоветского пространства // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4. С. 83–90.
17. Тугулова О. Д. Образ матери в женской поэзии Китая «нового периода» // Казанский лингвистический журнал. 2023. Т. 6. № 2. С. 165–175.
18. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. Т. 7. Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры. 304 с.
19. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
20. Harper Sandra S. The Archetype of the Great Mother in Three Contemporary Films. Master of Science. Denton, Texas: North Texas State University, 1979. 137 p.
21. Leal L. Female Archetypes in Mexican Literature // Women in Hispanic Literature: Icons and Fallen Idols. Berkeley: University of California Press, 1983. Pp. 227–242.
22. Neumann E. The Great Mother. An Analysis of the Archetype. Princeton: Princeton University Press, 2015. 432 p.
23. Pratt A. Archetypal patterns in women's fiction. Bloomington: Indiana University Press, 1981. 211 p.
24. Stearney L. M. Feminism, ecofeminism and the maternal archetype: Motherhood as a feminine universal // Communication Quarterly. 1994. № 42 (2). Pp. 145–159.

References

1. Ganieva A. F. *Arhetip materi-hranitel'nicy nacional'noj identichnosti v tatarskoj proze* [Archetype of the guardian mother of national identity in Tatar prose]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija "Istorija i filologija"* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2022, no. 32 (3), pp. 623–629. (In Russian)
2. Korobko K. V. *Interpretacija arhetipa materi v tvorcestve Mo Janja* [Interpretation of the archetype of the mother in the Mo Yan's works]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Serija "Filologičeskie nauki"* [Bulletin of the Lugansk State Pedagogical University. Series "Philological Sciences"], 2023, no. 3 (103), pp. 43–48. (In Russian)
3. Kosintseva E. V. *Obraz materi v hantyskoj poezii* [Image of the mother in Khanty poetry]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 108, pp. 94–99. (In Russian)

4. Kudryavtseva R. A., Belyaeva T. N. *Arhetip "mat'-zemlja" v lirike A. Ivanovoj (k voprosu o specifike reprezentacii jetnicheskoj identichnosti v sovremennoj marijskoj zhenskoj poezii)* [Archetype "mother Earth" in A. Ivanova's lyrics (on the issue of the specificity of ethnic identity representation in the contemporary Mari women's poetry)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory & Practice], 2016, no. 9–3 (63), pp. 27–31. (In Russian)
5. Meletinskiy E. M. *O literaturnyh arhetipah* [About literary archetypes]. Moscow: RGGU Publ., 1994. 136 p. (In Russian)
6. Orlova R. *Zhazhda otkrovenija* [Thirst for Revelation]. Saransk: [w/p], 2021. 92 p. (In Russian)
7. Orlova R. *Pis'ma strannicy* [Letters of a Wanderer]. Saransk: [w/p], 2014. 104 p. (In Russian)
8. Orlova R. *Serjzhka* [The Earring]. Saransk: [w/p], 2014. 128 p. (In Moksha)
9. Orlova R. *Ostrova* [The Islands]. Saransk: [w/p], 2008. 80 p. (In Moksha)
10. Ponomareva T. A. *Arhetip materi v poezii N. A. Kljueva* [Archetype of the mother in the poetry by N. A. Klyuev]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2018, no. 23 (3), pp. 267–276. (In Russian)
11. Pushkina O. I. *Arhetip Materi v miforeligioznoj kartine mira vostochnyh slavjan* [Archetype of the Mother in the mythical and religious worldview of the Eastern Slavonians]. Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyj universitet im. P. M. Masherova Publ., 2021. 140 p. (In Russian)
12. Rymareva E. N. *Transformacija arhetipov i mifologem v tvorchestve obskih ugrov i proizvedenijah pisatelej Jugry* [Transformation of archetypes and mythologemes in the works of the Ob Ugrians and the works of writers of Yugra]. Omsk, 2020. 182 p. (In Russian)
13. Ryabova L. *Kto ty?* [Who are you?]. Saransk: [w/p], 2017. 128 p. (In Erzya)
14. Ryabov O. V. *Russkaja filosofija zhenstvennosti (XI–XX veka)* [Russian philosophy of femininity (XI–XX centuries)]. Ivanovo: Junona Publ., 1999. 359 p. (In Russian)
15. Slugina M. *Ottenki* [The Shades]. Saransk: [w/p], 2021. 168 p. (In Erzya)
16. Tokareva O. V. *Simvolicheskie arhetipy "materi", otrazhennye v obrazah skul'ptury postsovetskogo prostranstva* [Symbolic archetypes of the "mother" reflected in the images of the sculpture of the Post-Soviet space]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusst* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts], 2023, no. 4, pp. 83–90. (In Russian)
17. Tugulova O. D. *Obraz materi v zhenskoj poezii Kitaja "novogo perioda"* [The mother's image in the Chinese women's poetry of the "New Period"]. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal* [Kazan Linguistic Journal], 2023, no. 6 (2), pp. 165–175. (In Russian)
18. *Ustno-pojeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda* [Oral poetic creativity of the Mordovian peoples]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1981. Vol. 7. Part 3. *Kalendaro-obrjadovye pesni i zagovory* [Calendar and ritual songs, spells]. 304 p. (In Russian, Erzya, Moksha)
19. Jung K. G. *Dusha i mif: shest' arhetipov* [Soul and myth: six archetypes]. Kyiv: [w/p], 1996. 384 p. (In Russian)
20. Harper Sandra S. *The Archetype of the Great Mother in Three Contemporary Films*. Denton, Texas: North Texas State University, 1979. 137 p. (In English)
21. Leal L. *Female Archetypes in Mexican Literature. Women in Hispanic Literature: Icons and Fallen Idols*. Berkeley: University of California Press, 1983. Pp. 227–242. (In English)
22. Neumann E. *The Great Mother: An Analysis of the Archetype*. Princeton: Princeton University Press, 2015. 432 p. (In English)
23. Pratt A. *Archetypal patterns in women's fiction*. Bloomington: Indiana University Press, 1981. 211 p. (In English)
24. Stearney L. M. *Feminism, ecofeminism and the maternal archetype: Motherhood as a feminine universal*. *Communication Quarterly*, 1994, no. 42 (2), pp. 145–159. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

ABOUT THE AUTHOR

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410